

Непобеждённый бастион Петра Проскурина

Уходящий 2008 год вполне можно назвать годом Петра Проскурина. В январе ему, выдающемуся русскому, советскому писателю, исполнилось бы 80. Прошли вечера его памяти, конференции, встречи в Москве и на брянской земле, где он родился и похоронен, а также на земле тверской и орловской, где жил, в других областях и городах страны, помнящих этого большого мастера слова, настоящего патриота России. Появились интересные публикации о нём в журналах и газетах. Например, один из номеров журнала «Российский колокол» целиком был посвящён его жизни и творчеству.

А недавно, уже на исходе года, в Центральном Доме работников искусств состоялся ещё один волнующий вечер — под названием «Русский мир Петра Проскурина».

Разумеется, все выступавшие говорили о Петре Лукиче прежде всего как об авторе произведений, которые навсегда останутся в нашей отечественной литературе, поскольку они ярко запечатлели целую эпоху в истории великой Советской страны. Говорили о трилогии, которую составили знаменитые романы «Судьба», «Имя твоё» и «Отречение», о повестях и рассказах, которые со временем тоже не утрачивают своей актуальности, о замечательных стихах, где продолжает биться его горячее сердце.

Но я хочу напомнить, что многие годы, начиная с 60-х, Пётр Проскурин был специальным корреспондентом «Правды». Это звание он носил одновременно с Михаилом Шолоховым, Константином Симоновым, Борисом Полевым, и многочисленные поездки с удостоверением полномочного представителя главной газеты страны помогали ему шире видеть жизнь. Публицистическое исследование её помогало исследованию художественному.

А ещё он писал дневник. На его страницы заносились впечатления и мысли, из которых нередко произрастали сюжеты будущих художественных творений. Сегодня мы предлагаем вниманию читателей записи Петра Лукича, относящиеся к самому тяжёлому, самому трагическому времени — от середины 1992 года до конца 1993-го. Думаю, он перечитывал их, когда писал свой последний роман «Число зверя». Наверное, над страницами дневника возникали новые замыслы, но им, увы, не суждено было сбыться: в 2001 году писатель ушёл из жизни.

При всём при том дневниковые записи П. Л. Проскурина представляют большой интерес и сами по себе. В них — время, схваченное глазом и пером талантливого художника. С какой болью это писалось! Однако он сам,

когда хотелось «завыть от тоски и ужаса, сжечь всё написанное», твёрдо говорил себе: «Но кто-то же должен продолжать бесстрастную летопись». И продолжал.

Виктор КОЖЕМЯКО.

Обозреватель «Правды».

«Усиление бесправия и рабства или борьба с новым нашествием»

12.06.92 г.

В Колонном зале открылся Русский национальный собор; в этот же день, двенадцатого июня, состоялась демонстрация протеста патриотических сил России у Останкинской телевизионной башни под девизом «Осада империи лжи». Оба действия, и Собор, и осада, связаны единым корнем — у русских истощается терпение, и это, очевидно, чувствует и режим; в этот же день Ельцин предпринял контрнаступление, применил свой излюбленный популистский прием — помчался в народ, в магазины и на улицы, но даже по его карманному телевидению показывать было нечего, кроме криков недовольных женщин, осадивших бронированный лимузин президента, и его одутловатого лица с утонувшими в щеках ненавидящими глазками-буравчиками.

Правительству Ельцина не остается, пожалуй, ничего иного, кроме перехода к самому свирепому террору; русскому народу, в свою очередь, выбирать не из чего: или продолжение и усиление бесправия и рабства, или открытая беспощадная борьба с новым иноземным нашествием; кровь, и большая кровь, неминуема — третья мировая уже началась...

«Певцы кнута и гуляющей по спине народа дубинки»

30.05.93 г.

Итак, вакханалия продолжается, лютует телевидение, его задача — патриотизм подменить нигилизмом, нравственность — вседозволенностью, честь — подлостью, созидание — торгашеством, Бога — сатаной, мужчину — женщиной и наоборот, заставить дерево расти корнями в небо.

Резонно задать вопрос: а что же великая русская литература и культура? Что же ее виднейшие представители, претендующие на роль пророков и исповедников народной души? А ничего, они в прежней своей роли на подмостках этой гигантской сцены, называемой Россией. В подавляющем своем большинстве, трубя о народе, не хотят знать никакого народа, не любят и боятся его. В годы горбачёвско-ельцинской истерии только исконная корневая русская литература выдержала и продолжает выдерживать суровый экзамен на верность народу, его глубинной национальной сути. Одного за другим теряя своих бойцов, она не пошатнулась. Но есть и потери. Виктор Астафьев, один из ярких прозаиков второй половины XX века и молитвенных

коленипреклонителей перед солженицевщиной, отказал русскому народу в праве на будущее, на борьбу за свое естество, в праве на свою историю и откровенно заявил, что русского народа вообще-то больше нет и, следовательно, нечего всякому быдлу и пьяни мутить чистую воду и выходить на площади — мало, мол, его, этот народ, угощали дубинками и коваными сапогами власти предержавшие! Что это? Бред, старческий маразм действительно классического пьяницы или всего лишь тусклый блеск сребреников? А ведь история ничего не спишет, ни одного неосторожного, запальчивого слова.

Радуйтесь, господин Астафьев, певцы кнута и гуляющей по спине народа дубинки всегда ценились властями предержавшими, но они никогда не смели больше открыто взглянуть в глаза матери, не могли радостно улыбнуться ребенку, у них этого никогда почему-то не получалось. Они могли только притворяться, скоморошничать и лгать. Ах, господин Астафьев, господин Астафьев! Вы даже не подозревали, что за блистающий ряд зачинаете собой, какую смелость вкладываете в души ненавистников русского народа, наконец-то обретших полную, абсолютную свободу самовыражения. У российского обывателя, брошенного ныне в рынок общемировых ценностей и всё больше трезвеющего, глаза на лоб лезут!

Но остаются бастионы русского национального самосознания, вспомним хотя бы самолет перестройки Юрия Бондарева, взлетевший вслепую и не знающий, на каком болоте ему придется садиться, и фонарь гласности на краю бездны, и многое другое, но беда, пожалуй, даже не в этом. Беда — в хронической, застарелой болезни русской творческой элиты, национальный защитительный инстинкт которой начисто отсутствует и даже перед лицом общерусской трагедии.

К булгаковской истине, что рукописи не горят, стоило бы добавить, что истинный талант свободен, и ни тюрьма, ни сума не могут его унижить, и в каждом художнике следует различать две его сути — высокую, божественную и обыденную, человеческую, весьма часто выплескивающуюся в самых низких, а то и порочных проявлениях. Но связует поколения и эпохи только высокое, грех и прах остаются земле, в этих отложениях скрыта загадка бытия. И у Бондарева, как у любого другого, свои взлеты и падения, его нет нужды защищать или оправдывать, его место уже определено временем и мерой его таланта, чужого места он не займет. Так уж устроено, и этого никому не дано изменить. И бондаревский кровавый пот Сталинграда уже невозможно отделить от народной судьбы, даже если этот пот и этот подвиг потом предадут и продадут за сребреники. Интересно было бы проследить, как бы сложилась судьба нашего чудного русского обывателя, не оказался Бондарева и миллионов ему подобных в аду Сталинграда и не сплавься их тела и души с самой русской землей?

Всё приходит и уходит, переливается из одного в другое, сменяются поколения, и каждый должен обрести свой опыт и свой путь. Но есть нечто и

стержневое в череде поколений, свершений и прегрешений человеческих — память родной земли, ревниво хранимая космосом в хрупком существе человека и бережно передаваемая от отцов и дедов к сыновьям и внукам.

Русские раздоры и склоки... Преподобный Сергей Радонежский горестно заметил: “Эта ненавистная рознь мира сего...” Неужели только большая народная кровь способна объединять и возвеличивать Россию? Когда же Бог прояснит наши души и наш разум, и мы увидим истинного нашего общего врага и объединимся для святой борьбы?

* * *

Итак, новый фильм по сценарию В. Крупина, по одной из его повестей, кажется, по «Живой воде». Глухая вятская деревушка, приткнувшаяся к какому-то индустриальному объекту с высокими трубами. Скотоподобные мужики и еще более скотоподобные бабы, полупридурки, полуидиоты, черви, копошащиеся в дурно пахнущей навозной куче, обильно и непрерывно поливаемой авторами фильма водкой. Все принародно мочатся, испражняются, похотливо лезут друг на друга — от экрана разит неистребимым запахом свинарника, и стыдно взглянуть на сидящих рядом женщин с детьми. Главный герой в исполнении Ульянова выпивает всё ему положенное и решает завязать; он разбивает бутылки с зельем, начинает копать в глубь земли то ли тоннель, то ли колодец в поисках живой воды, но он не только не спасает близких своих, но и усугубляет общее скотство. Иванушки-дурачка из Ульянова не получается и не может получиться — слишком уж он рассудочен в напаянной на него авторами фильма маске, слишком люто ненавидит тот народ, в среде которого ему выпало родиться и жить. Тем более что рядом с ним через фильм проходит другой воитель — бывший стукач КГБ, опустившийся и циничный, в самой поре мужского климакса, только об этом и думающий, только этим страдающий. Не правда ли, какая глубина мысли и какая смелость в наше время? Бедный КГБ, даже и подобный ракурс не ускользнул от внимания его рьяных исследователей. А дело-то всё в том, что бывший агент и стукач в мужском деле бессилён, бабы стаскивают с него штаны и в сарае, и дома, валят его на постель, а он ну не может... Вот такая философия высветилась, вот до каких вершин поднялась могучая крупинская мысль!

Дорывшись наконец в своем подполье до «живой воды» (уж не до горбачёвско-ельцинской ли перестройки?), автор вместе с его главным героем оздоравливает этой чудодейственной влагой весь погибающий народ, но тут опять вмешивается заскорузлая советская бюрократия, фонтан «живой воды» опечатан и законсервирован, а затем следует логический финал. Народ из-под полы начинает именно торговать «живой водой», народ не принял чуда (оздоровления и перестройки?), и фонтан, естественно, взрывается, из него начинает бить гейзер чистого спирта, и обезумевшее от счастья народонаселение растаскивает огненную жидкость в корытах, лакает прямо из луж — и вот

апокалипсис. Фонтан загорается, и всё тонет в адском огне, главный герой закапывает в землю свои боевые ордена и растворяется в неизвестности, надо думать, до следующего пришествия, когда народ будет готов по-настоящему к принятию истины.

Иван-дурак всегда завершал свои похождения победно, превращался в писаного красавца, приводил домой жену-красавицу или становился богатым и мудрым. Крупин «обогастил» народную традицию типом дурака-неудачника.

Выходя из зала после окончания фильма, люди делали вид, что торопятся, старались не глядеть друг другу в глаза — очень уж наглой и откровенно проституционной была эта картина, она оскорбляла самую нравственную основу русского мирозерцания.

«На Россию надвинулся демфашизм»

05.10.93 г.

Свершилось. Вчера в ночь на Россию надвинулся демфашизм, надвинулся и закрыл небо, перехватил дыхание у миллионов. Прославленная Кантемировская дивизия из танковых орудий в упор расстреляла Дом Советов на Краснопресненской. Били прямой наводкой и показывали всё это по телевидению — такого цинизма история человечества еще не знала. Бедный черкес Хасбулатов, оказавшийся организационно и практически еще бездарнее своего напарника Руцкого, совсем растерялся. Он-то, видимо, надеялся, что его все-таки поддержат народ и армия, у него в крови бродило понятие о какой-то офицерской чести и достоинстве, но он схлестнулся с древнейшей ростовщической моралью, не признающей ни души, ни сердца. Сотни трупов, сотни искалеченных, и в то же время телевидение, радио, демгазеты оголтело лгут и с дикими глазами объявляют виновным во всем Верховный Совет. И даже приклеили ему обвинение в вооруженном восстании, заговоре.

Что происходит с людьми и с самим народом? Что происходит с армией? Вновь русские уничтожают русских, вновь бессмысленные тупые лица солдат, твердящих с экранов о выполнении приказов, но в “этой” стране отныне теперь уже не будут главенствовать закон и право, а только ложь, низость и свинцовый кулак.

* * *

На третий день был у Дома Советов, близко к нему не подпускают.

Заграждения, танки и БТРы, автоматчики, десантники, всё те же лица манкуртов. Дом Советов в верхней части почернел от огня, траурно выгоревший. В нем нашли себе упокоение в основном молодые, жаждущие истины и свободы патриоты — сюда, к центру Русского сопротивления, как магнитом, притягивались лучшие со всей огромной, необозримой русской диаспоры, сюда ехали, пробирались из Осетии и Крыма, Приднестровья и Прибалтики, сюда втягивались ростки русского возрождения, и этого, разумеется, не могли

допустить мировые силы зла, и они этого не допустили. Но кровь — страшная и пророческая сила, кровь всегда рождает новую кровь, кровь никогда бесследно не исчезает, и вот уже над просторами Азии гремит новый атомный взрыв.

* * *

Итак, теперь перед Россией высветилось три дороги: смириться с режимом, начать освободительную борьбу или вновь вступить на путь Ивана Калиты — крупица за крупицей восстанавливать и наращивать национальное здоровье, копить силы и ждать еще одного своего крестного часа.

Реален хоть один из этих путей? На первый взгляд — нет, все три круга ведут к катастрофе российской государственности, к вырождению и уходу в небытие русского народа... Но кто, хоть однажды, проник в замыслы творящего Космоса?

31 октября 1993 г.

Жизнь идет. Растут цены, и глупеют люди. Оказывается, для удержания власти, любой, пусть самой антинародной, как сейчас, достаточно лишь иметь массовые средства оболванивания и беззастенчиво лгать.

Шумейко со своим лошадиным лицом неподражаем: каким-то образом стал министром информации и печати и всё с тем же идиотски-счастливым лошадиным выражением лица беззастенчиво, напропалую врет. И о том, что наступило счастливое время демократии, и о том, что правительство никаких газет не закрывало и не собирается закрывать, и что в «Правде» и в «Советской России» были всего лишь сняты главные редакторы за призывы свержения существующей власти.

Москва тонет в роскоши и нищете; нищих всё больше и больше, на стариков в магазинах, перебирающих свои деньги дрожащими руками, больно смотреть. Хлеб с 28 октября опять почти вполнину подорожал, перевалил далеко за две сотни. И белый, и черный. Гайдар лопается от жира, у этого деятеля тоже теперь уже не лицо, а нечто солнцеподобное, сияющее, как начищенный поднос.

Вся предвыборная кампания в России, по-моему, разбилась на два десятка блоков во главе с бурбулисами, гайдарами, поповыми, шахраями, явлинскими и т.п., и все они наперебой кудахчут о скорой возможности улучшения жизни русского народа, все вдруг стали государственниками и радетелями земли русской. Черниченко, так тот даже стал чище выговаривать некоторые согласные русского алфавита, а великий музыкант целой эпохи, всегда успевающий на «свою русскую родину» к горячему пирогу и на этот раз постаравшийся заглушить своим американским оркестром стоны и крики расстреливаемых в упор безоружных людей, получил от японского императора премию — сто сорок тысяч долларов. Удивительная забота о таланте!

Ну а сам всенародно избранный, с большим воодушевлением разнесший в пух и в прах Дом Советов из танковых пушек и потопивший народное

недовольство в крови, отошел на время в тенёк и своевременно нажимает клавиши в своем дьявольском орг`ане под покровом непроницаемой завесы лжи и демагогии, раскинутой вокруг него верными нукерами.

Дистрофически исхудавшая от перестройки и гласности Россия ликует и громко возвещает осанну своему Борису Кровавому. Парадокс? И тем не менее...

* * *

В Россию рвется любезнейший ее друг Солженицын, преподнося это как некий дар небес русскому народу, за который ему же, Солженицыну, надо лобызать не только ручки, но и ножки. Еще один лжегений, отдавший все свои силы на разрушение русской государственности. Еще один лжеклассик. Если уж после площадного концерта Ростроповича вылилось столько русской крови, то чего же ожидать теперь? Ведь многоликая лжерусская перелетная публика прочно и на веки вечные не только связана в скрытой, неистребимой ненависти к русскому народу, хотя паразитирует, довольно ловко и умело, и на его истории, и на его культуре, и на его языке, но она еще и умеет преподнести свою зоологическую ненависть как страстную любовь. Неисповедимы дела твои, Господи... Можно было бы закричать о данайских дарах, но кто в пространстве, одурманенном водкой и вездесущим телевидением, услышит?..

«Русский народ, откликнись!»

13.12.93 г. Тверь

Вчера состоялись (?) выборы в парламент, как теперь уже принято говорить, и референдум по новой президентской конституции. Почти всю ночь смотрели передачу из Большого Кремлёвского дворца. Демократы-правители и их гости, с женами и без оных, пили шампанское, жрали всяческие деликатесы и ругались. Их раздражали успехи Жириновского и коммунистов, информация о которых начала просачиваться в пирующий зал, — пир во время чумы... Никакой Гойя с его «Капричос» не смог бы передать лики пирующих демократов. Столько злобы да судорог, да бешеной слюны, ненависть в лицах, заполняющая всё пространство огромного зала; истерические вопли: «Фашизм идет!», «Все на борьбу!», особенно отличались Чубайс, Гайдар, Полторанин, а Корякин, трагически воздевая руки, стонал: «Россия, ты сошла с ума!»

Русский народ, где ты? Откликнись! До недавнего времени он позволял себе усомниться в их, демпалачей, праве владеть и княжить и, самое главное, жрать, жрать, жрать и разрушать, разрушать построенное.

В зале ни одного русского писателя, художника или артиста, сидит обвалью рухнувший за последние месяцы и никому здесь не нужный Евгений Семёнович Матвеев, курит — лицо потустороннее, худое до изнеможения. Что он забыл на балу сатаны?

Ведь всё происходит не по закону: конституция, принимаемая одной четвертью избирателей, выборы карманного президентского парламента в то

время, когда замерзают города, останавливаются сотни заводов, голодают и умирают от недоедания и болезней каждый год по миллиону человек. Россия действительно сошла с ума, и неизвестно, опомнится ли.

Похолодало, за окнами летит редкий крупный снежок, в природе тишина и покой. Поездка в Ирак очень некстати, что-то мешает, хотя окунуться в иную жизнь, в иную цивилизацию было бы очень полезно, необходимо. Иракцы одни из немногих остались сами собою, остались народом и гордо несут голову перед наглостью и бешеным натиском американцев; даже ненасытный, всегда голодный заокеанский желудок, именуемый США, зашелся в судорогах несварения, попытавшись переварить еще одну древнейшую в мире цивилизацию...